

Бену — моему сердцу, моему припеву

НЕИЗВЕДАННЫЕ
ЗЕМЛИ

МИТРА

★ ГАЛЕНОС

• КАМЕНОЛОМНЯ

ПОЛУМЕСЯЦ

РЕКА ЗЕН

ДАКИЙСКИЕ ГОРЫ

КОРИСАНДИЙСКАЯ
ДОЛИНА

АБАКУС

★ ДРИ

ИЗАУРА

ДИОНСКОЕ
УЩЕЛЬЕ

АФРА

ОРИГИНИЙСКОЕ
МОРЕ

ТЮРЬМА
МАГОВ

КОРОЛЕВСТВО
КОРИСАНДРА

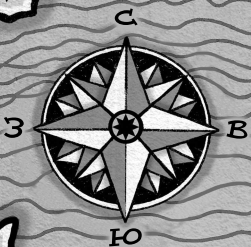
ЭЛЛЕНИЙСКИЕ
ГОРЫ

РЕКА ФЕЙДРОС

ЗЕНИЯ

КАНТОС

ВОСТОЧНЫЕ
ОСТРОВА

Девять Божеств и их Земные Реликвии

Магда, богиня-мать
солнца:
*Кольцо Исцеления из
Солнечного Камня* —
дарует своему владельцу
магическое исцеление*

Ирикс, бог-отец неба:
Небесный Плащ — дарует
власть над погодой и
стихиями*

Ари, богиня луны и снов:
Звездная Мантия — дарует
владельцу защиту; никакому
оружию не пробить ее

Никомидес, бог войны:
Всепожирающий Меч —
дарует власть над вражеским
оружием, превращая его
в пыль, а также и разрушает
чары

Эвфимий, бог земли
и зверей:
Золотой Пояс — дарует
преданность животных

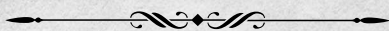
Аканта, богиня судьбы
и знания:
Всевидающая Корона —
дарует своему владельцу
защиту от чар и позволяет
видеть прошлое, настоящее
или будущее того, на кого
он смотрит*

Лорис, богиня воды
и моря:
Жемчужные Серьги —
даруют возможность дышать
под водой*

Пирр, бог огня (заточен
под землей):
Глеющие Камни — даруют
силу извлекать огонь, стоит
лишь на них подуть

Киркос, бог ветра
(падший):
Крылатое Ожерелье —
дарует возможность летать*

* реликвии, местонахождение которых неизвестно

ПЕРВЫЙ СВИТОК

*Ожерелье
Из Ветра*

Эвадна

Эвадна стояла под оливковым деревом и наблюдала за Майей, которая с зажатым в зубах ножом карабкалась наверх. Солнце садилось, но с запада, где сразу за рощей пенилось Оригинийское море, дул теплый ветер. Ближе к вечеру нагрянет шторм; Эвадна чувствовала его приближение по каждому дуновению ветерка. А затем наступит следующий день, — день, которого ее семья ждала долгих восемь лет.

«Еще одна ночь, и я увижу ее», — подумала Эвадна и на мгновение позабыла, почему находится в роще, пока не услышала, как Майя, поскользнувшись, зацепилась за ветку. Хоть она и была самой маленькой в их семье, почти на голову ниже Эвадны, дерево протестующе закрипело. Ранее она настояла на том, что хочет взобраться на него сама.

— Нас никто не увидит? — поинтересовалась Майя, как только восстановила равновесие. Из-за зажатого в зубах клинка ее слова едва ли можно было распознать.

Эвадна огляделась. Они находились в самом сердце густой рощи; вокруг зеленела залитая солнцем трава, ли-

стья на деревьях шелестели на ветру. Она слышала доносящиеся с виллы звуки: голоса и смех, что эхом разносились вдаль. Их отцы сейчас, должно быть, вместе работали на маслопрессе на дальнем конце участка.

— Мы одни, Майя.

Майя срезала ветку и бросила ее на землю, прямо к ногам Эвадны, а затем и еще одну. Ее нож гулко отстукивал по коре.

— Эва, как думаешь, твой отец узнает?

— Что мы подрезали священное дерево?

Эвадна собрала зеленые с серебристыми прожилками листья и подняла голову, чтобы взглянуть на балансирующую среди изогнутых ветвей Майю. Она представила, как сквозь эти ветви падает бог, ломая свои крылья, и ответила:

— Ну, если мой отец догадается, я просто скажу, что все это ради Хальцион, и он ничего нам не сделает.

Однако беспокойство Майи тут же сменилось другим.

— Как думаешь, Хальцион меня узнает?

— Ты ее кузина. Конечно, она тебя узнает.

Но, несмотря на мнимую уверенность, Эвадну уже несколько дней грызло мучительное беспокойство. Она целых восемь лет не видела Хальцион.

Эвадна помнила то утро, когда Хальцион покинула ее: столько раз прокручивала этот момент в своей памяти, что нередко видела его во снах. Девятилетняя Эвадна с перевязанной лодыжкой стояла во дворе дома, опираясь на костыль. Двенадцатилетняя Хальцион с заплетенными в косы волосами и мешком, в который были упакованы вещи, ждала отъезда в Абакус вместе с отцом.

— Не уезжай, не уезжай, — слезно молила Эвадна, прижимаясь к сестре.

Но Хальцион лишь улыбнулась и сказала: «Я должна, Эва. На то воля богов».

— Только не говори ей, — попросила Майя, перебираясь на другую ветку. — Но когда-то я завидовала твоей сестре.

— Я тоже, — призналась Эвадна, с удивлением обнаружив, что где-то в глубине души пламя до сих пор не угасло. «*И по-прежнему*, — мысленно поправила себя, — *завидую Хальцион, сама того не желая*».

Майя прекратила резать ветку и взглянула на нее так, что Эвадна на мгновение устрашилась, а не выдала ли она свой секрет вслух.

— Не пойми меня неправильно, — поспешила добавить Майя. — Я испытала облегчение, когда хоть кому-то из нашей семьи повезло. Хальцион заслужила того, чтобы сделать себе имя. Но... Мне просто хочется, чтобы и нам с тобой досталось что-нибудь хорошее.

— Да, — согласилась Эвадна.

Они с Майей, как и остальные члены семьи, были лишены магии, а виной тому их предок, обесчещенный бог, который столетия назад рухнул на это самое оливковое дерево, переломав свои крылья. По крайней мере, так гласила легенда. Вот почему отцу Эвадны не нравилось, когда кто-то прикасался к нему, взбирался на него или собирал с него урожай. Это дерево было символом конца для Киркоса, бога ветра. Но в то же время — началом. Началом этой рощи, их семьи.

— Как бог мог быть настолько глуп? — часто спрашивала Эвадна у своей матери, пока они работали за ткацким станком. — У него ведь было все, а он добровольно от этого отказался.

По правде говоря, ее гнев проистекал из того факта, что она была лишена магии, заурядна и обречена день

ото дня влачить одну и ту же унылую жизнь, пока не обратится в прах. А все потому, что Киркос решил пасть.

В ответ мама только улыбалась ей нежной, но пронизательной улыбкой.

— Однажды ты поймешь, Эва.

Что ж, Эвадне казалось, что она уже поняла. Правда заключалась в том, что Киркос однажды пролетал над этим участком земли, — рощей, что звалась Изаурой, — и увидел смертную женщину, собирающую оливки. Он полюбил ее так страстно, что отказался от своей безнравственной жизни и власти, чтобы остаться с ней на Земле, жить как смертный человек, ухаживать вместе с ней за рощей, завести детей, а затем, когда подойдет время, быть похороненным рядом.

И если кто-то из его потомков захотел бы преуспеть в жизни, ему пришлось бы развить в себе какой-то иной талант, потому что на магию они могли не рассчитывать.

Что Хальцион и сделала.

— Как думаешь, мы достаточно собрали? — Вопрос Майи привел Эвадну в чувство. Она взглянула на охапку срезанных веток.

— Да, более чем. Пора возвращаться. Мамы скоро заметят, что нас долго нет.

— Может, они решат, что один из богов пролетел над рощей и, без преувеличения, влюбился в нас, — радостно сказала Майя, спрыгивая с дерева. Эта шутка в их семье уже приелась, но Эвадна все равно рассмеялась.

— Молния никогда не ударяет в одно и то же место дважды, Майя. Извини, если разочаровала.

Кузины пробрались сквозь рощу и вышли на главную тропинку, которая извивалась вверх по склону, прямо к вилле. Обычно правая лодыжка Эвадны побаливала только в холодное время года. Но сегодня, несмотря

на знойную и душную погоду и надвигающуюся грозу, нога ныла, и каждый шаг давался ей нелегко. И когда Эвадна заметила, как Майя смотрит на скользкий по траве и перепачканный в грязи подол хитона, то поняла, почему Майя вызвалась залезть на дерево.

— Неужели я *так* сильно хромаю, Майя?

— Нет. Я просто задумалась о том, как трудно будет смыть всю грязь с твоей одежды.

Эвадна покачала головой, но не смогла сдержать улыбку. Их хитоны были просты: сшитые из белого льна длинные туники без рукавов. На плечах они были заколоты с помощью фибулы, а на талии — перетянуты плетеными кожаными ремнями. Когда приходили холода, льняные одеяния сменялись на шерстяные хитоны и плащи землистых оттенков: коричневые, зеленые, серые. Цвета природы, которые, ко всему прочему, провозглашали их статус, самый низкий при дворе.

Не счесть, сколько раз Майя, Эвадна и их матери сокрушались по поводу пятен, что роца ежедневно оставляла на нарядах. Дни стирки были для них ненавистны.

Однажды Майя клятвенно заверила, что в старости, когда ее перестанет, наконец, волновать мнение других людей, наденет благородный пурпур, как если бы она была королевой Нериной собственной персоной.

Оставшуюся часть пути девушки провели в молчании. Эвадну отвлекала боль в ноге, — боль, порожденная усилиями, которые они с семьей предприняли к возвращению Хальцион. Последние две недели они были завалены работой, стремясь заставить виллу сиять, подобно новехонькой монете, превратить в место, достойное девушки, что заняла высокое положение во дворе.

Они собрали лучшие плоды оливковых деревьев и сделали из них масло первого отжима: масло столь цен-